

Посвящается Мишель и Саре

Сэйди

СЭТИМ ДОМОМ что-то не так. Что-то в нем не дает мне покоя, тревожит. Не пойму, в чем дело. С виду — сплошная идиллия. Опоясывающая дом крытая веранда. Симметричные ряды окон радуют глаз. Улица тоже очаровательна: под уклон, с аллеями деревьев и такими же красивыми, ухоженными домами.

На первый взгляд, тут нет ничего такого, что может не понравиться. Но я-то знаю, что не стоит судить по первому впечатлению. Да и денек выдался серым — под цвет фасада. Свети сейчас солнце, я, возможно, не беспокоилась бы.

— Вот этот, — говорю я, указывая на коттедж: точь-в-точь как на фотографии, переданной исполнителем завещания. На прошлой неделе Уилл, мой муж, слетал в Портленд — подготовить все необходимые документы — и вернулся, чтобы мы смогли вместе поехать сюда. Он еще не успел осмотреть наследство.

Машина останавливается посреди улицы. Мы дружно подаемся вперед, с любопытством разглядывая здание. Все молчат. Наконец Тейт бормочет, что дом

просто огромный, картавя, как и большинство семилетних детей. Уилл смеется, обрадованный, что теперь не он один понимает: в переезде в штат Мэн есть свои плюсы.

На самом деле дом не такой уж и огромный, но по сравнению с кондо¹ площадью тысяча двести квадратных футов он, конечно, выглядит великаном. Особенно если приплюсовать двор. До сих пор у нас не было собственного двора.

Уилл осторожно жмет на газ и сворачивает на подъездную дорожку. На парковке мы вылезаем — кто быстрее, кто медленнее, хотя собаки, разумеется, впереди всех — и разминаем ноги, радуясь, что долгая поездка подошла к концу. Здешний воздух отличается от привычного: он пропитан запахами влажной земли, океана и леса. Совсем не так, как в Чикаго. Тишина на улице жутковатая и тревожная: чем больше народу, тем безопаснее. Среди толпы вероятность ЧП меньше. Существует распространенное заблуждение, что сельская жизнь не так опасна, как городская. Но это если не учитывать, что в городах живет гораздо больше людей и что в сельской местности плоховато с медициной.

Уилл идет к крыльцу. Собаки несутся следом и обгоняют его. Чувствую обиду: в отличие от меня, муж здесь по своей воле. Он хочет поскорее зайти внутрь и осмотреться, и только у самого крыльца замечает, что я не иду следом.

— Всё в порядке?

¹ Кондоминиум. — Здесь и далее примечания переводчика.

Ничего не отвечаю, поскольку не уверена в этом.

Тейт с энтузиазмом бежит к отцу, а вот четырнадцатилетнему Отто явно не хочется идти в дом. У нас всегда были схожие привычки и вкусы.

— Сэйди, — теперь Уилл спрашивает по-другому, — ты идешь или нет?

Он говорит, что на улице холодно. А я и не заметила, потому что сосредоточилась на другом — например, на высоких деревьях, закрывающих солнечный свет. И на том, каким скользким и опасным, должно быть, становится уличный склон во время снегопада.

На пригорке, на своей лужайке, мужчина с граблями в руке. Он остановился и, кажется, наблюдает за мной. Я машу ему по-соседски, но мужчина не машет в ответ, а отворачивается и продолжает работу. Смотрю на Уилла. Он молчит, хотя точно должен был заметить незнакомца.

— Идем, зайдем внутрь, — зовет он.

Поворачивается и поднимается по ступенькам — Тейт за ним, — останавливается у входной двери, вытаскивает из кармана ключи. Стучит, но не ждет, когда его впустят, — отпирает и распахивает дверь. Отто тоже идет к дому. Я за ним: не хочу оставаться одна на улице.

Дом старьй: панели из красного дерева, тяжелые шторы, оловянные потолки¹ и выкрашенные в цвета

¹ Оловянное покрытие для потолков, распространение которого наблюдалось с начала XIX в., было ответом американцев среднего класса на декоративные потолки из гипса в Европе. В наше время считается винтажным элементом интерьера.

леса — коричневый и зеленый — стены. Пахнет плесенью. Темно и мрачно.

Мы толпимся в прихожей и оценивающе рассматриваем обстановку. Планировка первого этажа классическая, с изолированными комнатами. Все кажется каким-то казенным, неприветливым.

Я отвлекаюсь, разглядывая изогнутые ножки обеденного стола. Стоящий на нем потускневший канделябр. Пожелтевшую обивку стульев. И не вижу ее, стоящую наверху, на лестничной площадке. Если б краем глаза я не уловила какое-то движение, то, возможно, так ее и не заметила бы.

Она — угрюмая худощавая девушка во всем черном. Черные джинсы, черная футболка с белой надписью, гласящей: «Хочу сдохнуть». Ноги босые. Темные длинные волосы с косой челкой. Глаза густо подведены. В носу пирсинг. Кожа бледная, как у привидения.

Тейт тоже замечает ее, перебегает от Уилла ко мне и прячется, уткнувшись лицом в мою спину. Обычно он не пуглив. Я тоже, но сейчас отчетливо чувствую, как волосы на затылке встают дыбом.

— Привет, — неуверенно здороваюсь я.

Уилл смотрит на нее, называет по имени и поднимается по ступенькам, которые скрипят под его ногами, словно протестуя против нашего прибытия.

— Имоджен... — Он широко разводит руки, наверное, ожидая, что девушка позволит заключить себя в объятия. Но она этого не делает, потому что ей шестнадцать и перед ней едва знакомый мужчина. Что ж, нельзя винить ее за такую недоверчивость. И все

же задумчивая меланхоличная девушка совсем не вяжется с тем образом, который возник у меня в голове после того, как нам сообщили о передаче опекуна над ребенком.

Ее голос тих и полон яда. Это действует на нервы посильнее крика:

— Отвали на хрен.

Она сердито смотрит вниз. Я непроизвольно тянусь прикрыть уши Тейта. Уилл застывает на месте, опустив руки. Он уже видел ее: на прошлой неделе, когда приезжал подписать документы. Именно тогда он официально стал опекуном. Они договорились, что Имоджен поживет у подруги до тех пор, пока мы не переедем сюда.

— Ну и на хрена вы приперлись?

Уилл пытается ответить, что все просто: если б не мы, ее, скорее всего, передали бы в приемную семью, пока ей не исполнится восемнадцать. Конечно, если бы не предоставили самой себе, что маловероятно. Но это не тот ответ, который устраивает Имоджен. Она молча скрывается в одной из комнат второго этажа. Уилл собирается идти следом, но я вмешиваюсь:

— Дай ей время.

Он слушается.

Имоджен идет в комплекте с домом. Ей шестнадцать, она практически самостоятельна. По крайней мере, так я пыталась аргументировать это — конечно же, у девушки есть подруги или знакомые, у которых можно пожить до совершеннолетия, — но муж сказал «нет». После смерти Элис у Имоджен не осталось родных, кроме нас.

Но эта девушка совсем не похожа на фотографию беспечной веснушчатой шестилетней девочки. Она сильно изменилась. Время обошло с ней сурово.

— Ей нужна семья, — сказал Уилл всего несколько дней назад... хотя кажется, что прошли недели. — Семья, которая будет ее любить. Заботиться о ней. Она совсем одна.

При мысли об осиротевшем ребенке, совершенно одиноким в этом чужом мире, во мне проснулся материнский инстинкт.

Я не хотела ехать сюда. Настаивала: пусть лучше Иможден переберется к нам. Но, с учетом множества других обстоятельств, нам все-таки пришлось приехать.

И теперь я в который раз спрашиваю себя: какие катастрофические последствия ждут нашу семью из-за этих перемен? Уж явно не «начало с чистого листа», в которое так оптимистично верит Уилл.

Сэиди

СЕМЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

Нас будит сирена. Я услышала ее вой посреди ночи и увидела бьющий в окно свет. Уилл резко садится в кровати и хватается за прикроватной тумбочки очки.

— Что случилось?

С минуту мы сидим молча, слушая, как звук удаляется, затихает, но так и не смолкает до конца. Видимо, машина остановилась где-то на нашей улице.

Другая миссис

— Как думаешь, что случилось? — повторяет Уилл.

Мне приходит на ум только пожилая соседская чета: старичок, который возит по улице свою жену в инвалидном кресле, хотя сам еле ходит. У них обоих седые волосы и морщинистые лица. Спина старичка изогнута, как у горбуна из «Собора Парижской Богоматери». У него всегда усталый вид. Кажется, это жене надо возить его, а не наоборот. Особенно учитывая крутой уклон улицы к океану.

— Что-то с Нильссонами, — хором произносим мы. Без особого сочувствия, потому что в происходящем нет ничего удивительного. Пожилые люди часто травмируются. Заболевают. Умирают.

— Сколько времени? — спрашиваю я, но Уилл уже вернул очки на тумбочку и ответил «не знаю». Прижался ко мне, обнял за талию, и я почувствовала подсознательное влечение.

В такой позе мы и заснули, совершенно позабыв про разбудившую нас сирену.

* * *

Утром я — по-прежнему усталая после беспокойной ночи — принимаю душ и одеваюсь. Мальчишки завтракают на кухне. Слышу шум и выхожу из спальни. Мне не по себе. Дело в Имоджен: даже несколько недель спустя ей по-прежнему прекрасно удается заставить нас чувствовать себя незваными гостями.

Пробираюсь по коридору. Комната Имоджен чуть приоткрыта, и это странно: она всегда закрывает за

собой дверь. Девушка не знает, что я наблюдаю за ней. Она стоит ко мне спиной и, наклонившись к зеркалу, подводит глаза.

Пользуюсь возможностью как следует рассмотреть комнату. Темные стены увешаны плакатами с изображениями артистов и музыкальных групп, которые очень похожи на нее: с длинными черными волосами и черными глазами, одетые во все черное. Над кроватью висит что-то тонкое и черное, напоминающее балдахин. Постель не застелена. На полу валяется темно-серое пуховое одеяло в узкую полоску. Плотные шторы задернуты, не пропуская свет, что невольно вызывает ассоциации с вампирами.

Имоджен заканчивает подводить глаза. Закрывает карандаш колпачком и резко поворачивается. Я не успеваю спрятаться.

— Какого хрена тебе надо? — От злобности и вульгарности вопроса перехватывает дыхание. Имоджен не в первый раз говорит со мной таким тоном, а я до сих пор не привыкла.

Девушка бросается вперед так стремительно, словно собирается ударить меня. Раньше такого никогда не было. Но, судя по ее скорости и выражению лица... Я невольно отшатываюсь. Имоджен захлопывает дверь. Я рада уже тому, что меня не ударили, а только закрыли дверь прямо перед носом. Сердце колотится в груди. Стою в коридоре, затаив дыхание, прокашливаюсь, стараясь оправиться от шока. Подхожу ближе, стучу костяшками пальцев по дереву и говорю:

— Через несколько минут я еду на паром. Если хочешь прокатиться со мной...

Голос так предательски дрожит, что самой противно. Имоджен не отвечает. Я прекрасно знаю, что она не согласится.

Разворачиваюсь и иду вниз по лестнице, на запах завтрака. Уилл в фартуке стоит у плиты и переворачивает блины, напевая одну из тех веселых песенок с компакт-дисков, которые так любит Тейт. Слишком веселую для семи пятнадцати утра.

Увидев меня, он замирает.

— Всё в порядке?

— Да, — натянуто отвечаю я.

Собаки кружат у его ног в надежде, что им перепадет что-нибудь вкусненькое. Собаки большие, а кухня маленькая. Тут и четверым тесно, не говоря уже о шестерых. Подзываю собак и увожу их на задний двор.

Когда я возвращаюсь, Уилл с улыбкой протягивает мне тарелку. Я ограничиваюсь кофе и прошу Отто доедать поскорее. Он сидит за кухонным столом, ссутулившись над своими блинами, чтобы казаться меньше. Его неуверенность беспокоит меня, хоть я и твержу себе, что это нормально для четырнадцатилетнего. Каждый подросток проходит через это... вопрос в том, всегда ли *проходит*.

Через кухню топают Имоджен в черных джинсах, разорванных на бедрах и коленях. На ее ногах — черные кожаные армейские ботинки с почти двухдюймовым каблуком, но даже без них она выше меня. В ушах — сережки в форме вороньих черепов. На футболке надпись «Нормальные люди — отстой».

Сидящий за столом Тейт пытается прочесть надпись вслух, как и на других ее футболках, но не успевает: Имоджен тянется к шкафчику, рывком открывает дверцу, осматривает шкаф изнутри и захлопывает.

— Что ты ищешь? — Уилл всегда старается угодить племяннице, но девушка уже нашла, что искала: батончик «Кит-Кат».

— Я приготовил завтрак.

Взгляд голубых глаз, скользнув мимо Отто и Тейта, останавливается на накрытом для нее свободном месте. Буркнув «молодец», она разворачивается и исчезает. Мы слышим, как открывается и захлопывается входная дверь. Только после этого я наконец-то перевожу дух.

Пью кофе, наливаю себе термос и пытаюсь протиснуться мимо Уилла: взять ключи и сумку, которые лежат на столе. Муж наклоняется для прощального поцелуя. Инстинктивно, сама того не желая, я отстраняюсь.

— Ты в порядке? — повторяет он, внимательно глядя на меня. Мысленно объясняю свою нерешительность приступом брезгливости, что отчасти правда. Та интрижка случилась много месяцев назад, но прикосновения его рук по-прежнему напоминают наждачную бумагу, и я невольно задумываюсь: кого трогали эти руки *до* меня?

«Начать с чистого листа», — так говорил Уилл. Одна из многих причин, почему мы оказались здесь, в штате Мэн, в доме, принадлежавшем Элис, его единственной сестре. Она годами страдала от фиброми-

алгии¹, пока болезнь не взяла верх. Фибромиалгия вызывает сильную боль во всем теле, которая часто сопровождается сильнейшим истощением и усталостью. Насколько я знаю, терпеть приступы этой токолющей, то ноющей боли очень тяжело — особенно по утрам, хотя и к вечеру она не проходит до конца.

Элис не смогла справиться с этим иначе, чем отправиться на чердак, прихватив веревку и табурет. Но сначала встретила со своим адвокатом и завещала брату дом со всем его содержимым, включая собственную дочь.

Шестнадцатилетняя Иможден целыми днями занята бог знает чем. Вроде бы ходит в школу — по крайней мере, время от времени, поскольку звонки о прогулах поступают нерегулярно. Но как она проводит остальное время, неизвестно. Когда мы спрашиваем об этом, Иможден либо не обращает внимания, либо выдает что-нибудь пафосное: якобы она борется с преступностью, укрепляет мир во всем мире или спасает гребаных китов. *Гребаный* — одно из ее любимых слов. Она часто его употребляет.

Родственники самоубийц нередко испытывают гнев и обиду. Ощущают, что их отвергли и бросили. В них клокочет ярость. Я пытаюсь относиться к Иможден с сочувствием, но это дается все труднее.

В юности Уилл и Элис были близки, но с годами отдалились друг от друга. Он был потрясен ее смертью, хотя и не особенно горевал. По правде говоря, его, наверное, грызла совесть за то, что он почти не под-

¹ Заболевание, мышечно-скелетная хроническая боль.

держивал связь, не имел никакого отношения к воспитанию племянницы и не понимал, насколько серьезно больна его сестра. Он чувствует, что подвел их.

Когда мы только узнали о доставшемся наследстве, я предложила продать дом и привезти Имоджен в Чикаго. Но после всего, что произошло — не только любовной интрижки, — у нас появился шанс начать все сначала, с чистого листа. Во всяком случае, так сказал Уилл.

Мы живем здесь меньше двух месяцев и все еще осваиваемся, хотя быстро нашли работу. Уилл — адъюнкт-профессор¹, преподает на материке экологию человека два раза в неделю. Мне же чуть ли не заплатили лишь за то, чтобы я приехала: на острове всего два врача, и я одна из них.

На этот раз я прижимаюсь губами к губам мужа. Пора идти.

— До вечера.

Говорю Отто поторопиться, а не то опоздаем. Беру со стола вещи и сообщаю, что буду ждать в машине.

— У тебя две минуты.

Я прекрасно знаю, что две минуты, как обычно, растянутся на пять-шесть.

Целую на прощание малыша Тейта. Он встает на стул, обхватывает мою шею липкими ручонками и кричит в ухо: «Мам, я тебя люблю!» Сердце замирает: я точно знаю, что по крайней мере один из детей все еще любит меня.

¹ Соответствует доценту в странах Европы.

Моя машина стоит на подъездной дорожке рядом с седаном Уилла. К дому пристроен гараж, но он забит коробками, которые еще только предстоит распаковать.

Автомобиль покрыт тонким слоем инея, осевшим за ночь. Я отпираю дверь. Фары мигают, в салоне загорается свет. Тянусь к дверной ручке, но, прежде чем успеваю дернуть ее, замираю. На стекле со стороны водителя проступили линии. Они начали растекаться под теплыми утренними лучами, смазываясь по краям, но не исчезли. Наклоняюсь поближе и вижу: на самом деле это не линии, а буквы, образующие одно слово. *Умри.*

Я быстро понимаю, кто его написал, и в ужасе закрываю рот ладонью. Иможден не хочет видеть нас здесь. Хочет, чтобы мы убирались.

Я пыталась относиться к ней с пониманием, учитывая, как ей паршиво. Ее жизнь перевернута с ног на голову. Она лишилась матери и теперь вынуждена делить дом с незнакомцами. Но это не оправдание угрозам. Она действительно имеет в виду то, что написала. Она хочет, чтобы я умерла.

Поднимаюсь на крыльцо и зову Уилла.

— В чем дело? Что-то забыла? — Тот склоняет голову набок, рассматривая мои ключи, сумку и термос. Ничего не забыто.

— Ты должен это видеть, — шепчу я, чтобы мальчики не услышали.

Муж идет за мной. Босиком, хотя на улице ужасно холодно. В трех футах от машины я останавливаюсь и указываю на слово на заиндевевшем стекле.

— Видишь? — Он видит. Это ясно по выражению его лица: оно моментально становится встревоженным.

— Черт... — Уилл тоже понимает, кто автор этой надписи. Он потирает лоб, задумавшись. — Я поговорю с ней.

— И что это даст? — огрызаюсь я.

За последние недели мы много раз беседовали с Имоджен. Говорили, что так выражаться нельзя, особенно в присутствии Тейта; что надо возвращаться домой не слишком поздно; и много чего еще. Хотя, скорее, это были не разговоры, а нотации. Имоджен просто молча стояла, пока Уилл или я говорили. Не исключаю, что она даже слушала. Она вообще редко что-то отвечает, не воспринимая наши слова всерьез. А потом просто уходит.

— Мы не знаем точно, она это или нет. — То, на что намекает Уилл... лучше не думать об этом. — Может, кто-то написал это для Отто?

— Ты всерьез думаешь, что нашлись желающие угрожать убийством нашему четырнадцатилетнему сыну на стекле моего автомобиля? — уточняю я на тот случай, если Уилл позабыл значение слова «умри».

— Но и такое возможно, правда?

— Нет. — Я стараюсь звучать как можно убедительнее. Мне не хочется в это верить. Только не снова. Все это осталось в прошлом после нашего переезда.

Осталось ли? Не исключено, что кто-то травит Отто, задирает его... Такое уже случалось, может и повториться.

— Наверное, надо обратиться в полицию.

Уилл качает головой.

— Нет. По крайней мере, пока не станет ясно, кто это написал. Если Имоджен, то зачем полиция? Сэйди, она просто рассерженная девочка. Она горюет из-за утраты и огрызается на всех. Она никогда не сделает больно никому из нас.

— Ой ли? — Я в этом не уверена. Имоджен — одна из причин наших семейных разладов. Они с Уиллом родственники, между ними есть непонятная мне связь. Муж молчит, и я продолжаю спорить: — Неважно, кому это предназначено — все равно это угроза *смертью*. Это очень серьезно.

— Знаю-знаю. — Он озирается через плечо — не появился ли Отто — и быстро продолжает: — Но если мы вызовем полицию, это привлечет к Отто внимание. Нежелательное внимание. Другие дети станут относиться к нему совсем иначе, если еще не начали. У него не останется шанса на нормальную жизнь. Давай я сначала поговорю с его учителем и директором, удостоверюсь, что у него нет проблем в школе. Знаю, ты волнуешься... — Его голос смягчается, он успокаивающе кладет ладонь на мою руку. — Я тоже волнуюсь. Но давай не будем торопиться с полицией. Ты не против, если я сначала хотя бы поговорю с Имоджен, прежде чем делать выводы?

В этом весь Уилл. Он всегда был голосом разума в наших отношениях.

— Ладно, — уступаю я, признавая его возможную правоту.

Так не хочется думать, что Отто может оказаться изгоем и в новой школе, что его задирают... Однако

я также не могу смириться с враждебностью Имо-жен. Мы должны докопаться до сути, не усугубив ситуацию.

— Но если что-то подобное повторится, — я вытаскиваю руку из сумки, — то мы обратимся в полицию.

— Хорошо, — соглашается Уилл и целует меня в лоб. — Мы разберемся с этой проблемой прежде, чем все пойдет слишком далеко.

— Обещаешь?

Жаль, он не может сделать желаемое действительным простым щелчком пальцев.

— Обещаю.

Я смотрю, как муж поднимается на крыльцо, заходит в дом и исчезает за дверью. Затем провожу ладонью по надписи и вытираю руки о штаны, прежде чем сесть в машину. Включаю зажигание и наблюдаю, как слово окончательно тает. Вот только оно уже накрепко впечаталось в мою память.

Если верить часам на приборной панели, проходит минута. Потом две. Три. Я смотрю на дом в ожидании, что входная дверь откроется и появится Отто. Он всегда плетется к машине с непроницаемым выражением лица — совершенно непонятно, что у него в голове. В последнее время он всегда такой. Считается, что родители обязаны знать, о чем думают их дети, но мы не знаем. Точнее, не всегда. Нельзя знать наверняка, о чем думает другой человек.

И все же, когда дети совершают какой-нибудь проступок, винят в первую очередь родителей. «Как они могли не знать?» — часто вопрошают критики. — Как

они могли не заметить предупреждающие знаки? Почему они не обращали внимания на то, что делали их дети?..»

Последняя фраза мне особенно «нравится». Она подразумевает, что мы не обращаем на детей внимания.

Вот только я обращала.

Раньше Отто был тихим и замкнутым. Он любил рисовать, в основном мультяшек. Особенно любил аниме-персонажей — с их растрепанными волосами и странно-большими глазами. В своем альбоме он давал им имена и мечтал когда-нибудь создать собственный комикс о приключениях Асы и Кена.

Раньше у Отто была всего пара друзей — да, только двое. Правда, они неизменно называли меня *мэм*, сами относили тарелки на кухню, когда приходили на ужин, и оставляли обувь у порога. Они были добрыми и вежливыми.

Отто хорошо учился. Не на одни А¹, но в среднем его оценки радовали. В основном он получал В и С. Во время делал и сдавал домашние задания. Никогда не спал на уроках. Учителя хорошо к нему относились, сетуя только на то, что он не проявляет особой активности.

Я не «упустила из виду предупреждающие знаки». Их просто не было.

Сейчас я смотрю на дверь в ожидании сына. Через четыре минуты сдаюсь и отвожу взгляд. Как раз

¹ В США оценки обозначаются буквами. А соответствует нашей «5», В — «4», С и D — это «3».

в этот момент мое внимание привлекает что-то за окном машины: мистер Нильссон везет по улице миссис Нильссон. Спуск довольно крутой, удерживать резиновые ручки инвалидной коляски нелегко. Он шагает медленно, надавливая всем весом на пятки, как будто они — тормоза, а он едет в автомобиле.

Еще и семи двадцати утра нет, а они уже гуляют. Он — в саржевых брюках и свитере, она — в вязаном комплекте светло-розового цвета. Волосы старушки завиты и уложены с помощью лака. Представляю, как старичок скрупулезно завивает каждую прядь и закрепляет шпильками. Кажется, ее зовут Поппи, а его — Чарльз. Или Джордж.

Прямо перед нашим домом мистер Нильссон пересекает улицу наискосок, переходя на противоположную сторону. При этом он не сводит глаз с глушителя моей машины, откуда выходят клубы выхлопных газов.

Вспоминаю вой сирены прошлой ночью, затихший где-то на нашей улице.

Живот отзывается тупой болью. Не знаю почему.

Сэйди

Дорога от паромного причала до клиники короткая, всего несколько кварталов. Я высаживаю Отто и меньше чем через пять минут уже подъезжаю к неприметному низкому голубому зданию, которое когда-то было жилым; его владелец давным-давно завещал постройку клинике.

С фасада оно все еще напоминает дом, хотя двери в задней части гораздо шире. Оно примыкает к недо-

рогому дому престарелых, чтобы медпомощь была легко доступна пожилым людям.

Только после переезда сюда я узнала, что в штате Мэн насчитывается около четырех тысяч островов. В глуши — вроде нашего островка — не хватает врачей. Причем многие готовятся уйти на пенсию, а заменить их практически некому.

Изолированность острова нравится далеко не всем. Как-то неприятно осознавать, что после ухода последнего вечернего парома ты оказываешься взаперти. Даже при дневном свете скалистый, поросший высокими соснами кусок земли выглядит крохотным — до клаустрофобии. С наступлением зимы — а она скоро наступит — жизнь на большей части острова замрет из-за суровой погоды. Вдобавок залив может замерзнуть, и тогда мы окажемся в ловушке.

Дом достался нам с Уиллом бесплатно. Еще я получила налоговые льготы, потому что устроилась работать в клинику. Мне не хотелось, потому что у нас нет срочной нужды в деньгах, но Уилл настоял. Моя специальность — неотложная помощь. У меня нет сертификата на общую медицинскую практику, только временная лицензия, но я планирую получить полноценную лицензию в Мэне.

Внутри здание клиники уже не похоже на жилое: чтобы появились приемная, кабинеты и вестибюль, пришлось многое перестроить. Тяжелый запах сырости преследует меня даже после работы. Вдобавок ко всему сидящая в приемной секретарша Эмма выкуривает по пачке сигарет в день. Она делает это на улице,

но вешает свою куртку рядом с моей, и одежда впитывает запах.

Несколько ночей подряд Уилл с любопытством приглядывался ко мне. Наконец спросил:

— Ты что, начала курить?

Действительно, такой вывод можно сделать по запаху никотина, преследующему меня даже дома.

— Конечно, нет. Ты же знаешь, я не курю.

И рассказала про Эмму.

— Оставь куртку снаружи, я постираю, — не раз говорил Уилл. Я слушалась, он стирал, однако толку нет. Каждый следующий день история повторяется.

Сегодня, войдя в клинику, я вижу, что Джойс, старшая медсестра, и Эмма уже ждут меня.

Джойс около шестидесяти пяти, она близка к выходу на пенсию и немного сварлива. Она работает здесь гораздо дольше нас с Эммой, так что в клинике Джойс главная. Во всяком случае, так она считает.

— Опоздываешь, — замечает Джойс. Если я и опоздала, то максимум на минуту. — Разве тебя не учили пунктуальности там, откуда ты приехала?

По-моему, все местные такие же ограниченные, как и их остров. Прохожу мимо и начинаю рабочий день.

* * *

Несколько часов спустя я занята пациентом, когда раздается звонок мобильного, лежащего в пяти футах¹ от меня. Звук выключен, но над фотографией по-

¹ Один фут = 30,48 см.

является имя Уилла: точеное лицо, ярко-карие глаза. Красивый, привлекательный мужчина. Думаю, дело в глазах. Или в том, что в сорок лет он все еще напоминает двадцатипятилетнего, зачесывая назад и собирая в модный нынче пучок длинные темные волосы. Он похож и на интеллигента, и на хипстера. Его студентам нравится.

Игнорирую телефон и продолжаю осмотр пациентки — женщины сорока трех лет с жаром, болью в груди и кашлем. Сразу ясно — бронхит. Но я все равно прослушиваю стетоскопом ее легкие.

Я практиковалась в неотложной медицинской помощи много лет. Там, в современной клинике в центре Чикаго, каждая смена преподносила сюрпризы. Жертвы автокатастроф, истекающие кровью после домашних родов женщины, трехсотфунтовые мужчины с нервным срывом... Все было напряженно и драматично. Все время начеку. Там я чувствовала себя живой.

Здесь же все по-другому. Здесь я каждый день заранее знаю, что меня ждет: бесконечная череда бронхитов, диарей и бородавок.

Когда у меня наконец появляется возможность перезвонить мужу, он отвечает, запинаясь.

— Сэйди... — по его тону сразу ясно: что-то не так.

Уилл замолкает, а я лихорадочно прокручиваю в голове множество сценариев. Больше всего тревожусь за Отто: утром я оставила его у причала. попрощалась и посмотрела вслед парому, на котором сын уплывал в школу.

Именно тогда я заметила Имоджен, стоявшую с подругами. Бесспорно, она — красивая девушка, этого у нее не отнимешь. Ее кожа светлая от природы; ей не нужно пудриться, чтобы выглядеть белее. Льди-сто-голубые глаза составляют контраст с кожей. По неухоженным бровям видно, что Имоджен и раньше была темноволосой. Она избегает вызывающе-темной помады, которую любят другие девушки, предпочитая розово-бежевую. Получается довольно привлекательно. Правда, к пирсингу в носу привыкаешь не сразу.

Отто раньше никогда не жил в таком близком соседстве с девушкой, так что его снедает любопытство. Тем не менее ему почти не удается поговорить с ней. Имоджен не ездит с нами к причалу, не общается с Отто в школе. Насколько мне известно, она делает вид, что вообще не знает его. Они пересекаются редко и ненадолго. Например, вчера вечером Отто за кухонным столом трудился над домашним заданием по математике. Имоджен, проходившая мимо, увидела тетрадь с именем учителя и прокомментировала:

— Мистер Янсен — гребаный придурок.

Отто только вытаращился в ответ. Слова *гребаный* в его лексиконе пока нет, но, подозреваю, это лишь вопрос времени.

Сегодня утром Имоджен с подругами стояли на краю пирса и курили. Дым на морозном воздухе окутывал их головы белыми клубами. Я смотрела, как она подносит сигарету ко рту, затягивается с видом опытного курильщика, задерживает дыхание и медленно

выдыхает. При этом, готова поклясться, девушка бросила взгляд на меня.

Заметила, что я наблюдаю за ней из машины? Или просто уставилась в пространство?

Я так увлеклась наблюдением за Имоджен, что — как теперь припоминаю — не обратила внимания, успел ли Отто на паром, автоматически предположив, что успел.

— Значит, у Отто проблемы, — говорю я в тот же миг, когда Уилл продолжает:

— Это были не Нильссоны.

Поначалу я не понимаю, о чем он. Какое отношение имеет Отто к этим старичкам?

— А что с Нильссонами? — уточняю я, но продолжаю думать об Отто, осознав, что не видела, как он садится на паром... Воображение рисует сына в наручниках, сидящего в кабинете напротив директора. Рядом караулит полицейский. На краю директорского стола пакет с вещдоками — пока воображение еще не нарисовало, с какими именно.

— Мистер и миссис Фоуст, — обратился к нам директор в тот злополучный день.

— Доктор Фоуст, — поправила я его с невозможным выражением лица, впервые в жизни попытавшись воспользоваться своим служебным положением. Мы с Уилом стояли за спиной Отто. Уилл положил сыну руку на плечо, давая понять: что бы он ни натворил, мы не бросим его.

Полицейский в воображаемой сцене, кажется, ухмыльнулся.

— Я про сирену, которая выла прошлой ночью, — поясняет в трубку Уилл. Я возвращаюсь в настоящее. *Прошлое осталось в прошлом.* То, что случилось с Отто в Чикаго, больше не имеет значения.

— «Скорая» приехала не к Нильссонам, они в полном порядке. А к Морган.

— К Морган Бейнс? — зачем-то уточняю я. В нашем квартале есть только один человек с таким именем. Морган Бейнс — наша соседка. Правда, я никогда с ней не разговаривала, а вот Уилл общался. Ее семья живет через дорогу в доме, похожем на наш: Морган, ее муж и их маленькая дочка. Поскольку они обитают на пригорке, мы часто размышляли вслух, какие, наверное, прекрасные виды открываются из окон: обзор в триста шестьдесят градусов нашего островка и океана вокруг.

А потом Уилл как-то проговорился, что виды на океан из их дома и правда шикарные.

Я старалась не волноваться. Убеждала себя, что муж не сознался бы, что побывал в доме Морган, если между ними что-то есть. Однако у Уилла в прошлом имелись... отношения с женщинами. Год назад я уверенно заявила бы, что он никогда мне не изменит. Теперь я готова допустить что угодно.

— Да, Сэйди. Морган Бейнс.

Пытаюсь вспомнить ее лицо. Я видела ее только издали. У нее длинные волосы молочно-шоколадного цвета; пряди постоянно выбиваются, и их приходится заправлять за уши.

— Что случилось? — Я ищу глазами, где бы присесть. — С ней всё в порядке?

Интересно, что у нее: диабет, астма или еще какое-то аутоиммунное заболевание, раз врачу пришлось приехать посреди ночи? На острове всего два врача: я и моя коллега доктор Сандерс. Прошлой ночью было ее дежурство, не мое.

Парамедиков¹ на острове нет — только полицейские, которые умеют водить «Скорую» и в состоянии оказать элементарную помощь. Больниц здесь тоже нет. Значит, нужно было вызвать с материка спасательный катер, перенести в него Морган из машины «Скорой помощи» и потом отвезти на материк, где на берегу будет ждать другая машина. Меня уверяли, что вся эта система работает, как швейцарские часы, но до материка почти три мили. Скорость катеров не так уж велика и зависит от погоды на море.

Впрочем, я размышляю как пессимистка, сразу предполагая худшее.

— Уилл, с ней всё в порядке? — повторяю я, поскольку муж молчит.

— Нет, Сэйди, — он отвечает таким тоном, словно я должна была сама догадаться, что не всё. В его голосе чувствуется какая-то нехорошая нотка. Он снова умолкает.

— Ну так что случилось? — продолжаю напирать я.

Уилл глубоко вздыхает.

— Она мертва.

¹ Парамедик — специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных или военных подразделениях.

Я реагирую не слишком эмоционально. Но только потому, что постепенное умирание и смерть — часть моей рабочей рутины. Я повидала все, что только можно, и совершенно не знала Морган Бейнс. Я никогда не встречалась с ней. Лишь один раз помахала рукой из машины, когда медленно проезжала мимо ее дома. Она стояла у окна, заправляя прядь за ухо, а потом махнула в ответ. Потом я долго думала об этом — у меня есть привычка глубоко копаться во всем. На лице Морган я заметила странное хмурое выражение. Она мне не рада или дело в чем-то другом?

— Мертва? Почему?

Уилл, кажется, готов разрыдаться в трубку.

— Говорят, ее убили.

— Говорят? Кто говорит?

— Люди. Все соседи. Только об этом в городке и судачат.

Когда я открываю дверь кабинета и выхожу в приемную, то обнаруживаю, что это и в самом деле так. Сидящие там пациенты обсуждают случившееся, глядя на меня со слезами на глазах, и спрашивают, слышала ли я новость.

— Убийство! На нашем островке! — восклицает кто-то.

Становится тихо. Когда дверь открывается и заходит мужчина, одна пожилая женщина вскрикивает. Этот мужчина — обычный пациент, но, учитывая новости... Трудно не предполагать худшее. Трудно не поддаться страху.

Камилла

Я не собираюсь рассказывать все-все. Только то, что вам следует знать.

Мы познакомились на улице. На каком-то перекрестке у монорельсовой дороги. Грязное и неприятное место. Плотная застройка и монорельс почти не пропускали свет. Там было полно припаркованных машин, стальных балок, оранжевых дорожных конусов. Повсюду сновали люди — самые обычные горожане: хипстеры, панки, бродяги, трикси¹, сливки общества. Я шла, сама не зная куда. Вокруг кипела городская жизнь. Сверху капали кондиционеры, бомж кланчил милостыню. Стоявший на бордюре уличный проповедник, брызгая слюной, вещал, что все мы попадем в ад.

Мимо прошел какой-то парень. Я не знала лично его, зато знала таких, как он: из разряда тех богатых деточек, которые ходят в элитную, а не государственную школу и не общаются с мусором вроде меня. А теперь деточка выросла, устроилась на работу в финансовой сфере и закупается в дорогущих магазинах. Типичный чад². Хотя зовут его, скорее всего, не Чад, а по-другому: Люк, Майлз, Брэд... Какое-нибудь слишком самодовольное, чопорное и банальное имя. Он кивнул мне и улыбнулся. Судя по улыбке, женщины легко велись на его обаяние, но я не из таких.

¹ Трикси — жаргонное прозвище молодых горожанок, обычно одиноких, стремящихся к социальному успеху и браку.

² Мужской аналог трикси, альфа-самец.

Я отвернулась и пошла дальше, не улыбнувшись в ответ, спиной ощущая, как он провожает меня взглядом.

В витрине магазина отразились длинные, прямые, рыжеватые волосы до плеч, челка и синяя футболка под цвет глаз. Я провела ладонью по волосам.

Теперь понятно, на что загляделся чад.

Над головой прогремел поезд метро. Громко, но не настолько, чтобы заглушить проповедника. Прелюбодеи, шлюхи, богохульники, обжоры... Все мы обречены.

Денек выдался жаркий. Самый разгар лета, градусов двадцать пять — тридцать. Отовсюду мерзкий запахок, как из канализации. Проходя по переулку, я чуть не задохнулась от вони. Из-за жары запахи не улетучивались, так что спасения от них не было нигде. Как и от жары.

Я запрокинула голову, глядя на поезд и пытаюсь сориентироваться. Интересно, сколько сейчас времени? Я помнила, где находятся все городские часы — с павлином, «Отец-Время»¹, на улице Маршалл-Филд и многие другие. На небоскребе Ригли-билдинг часы висели со всех четырех сторон: откуда бы вы ни пришли, увидите точное время. Но на том перекрестке, где я стояла, часов не было.

Я не заметила, как светофор переключился на красный. Не заметила, как по улице несется такси, стараясь обогнать конкурента. Просто шагнула на дорогу.

¹ Декоративные часы 1926 года, украшенные статуей Отца-Время.

И почувствовала его хватку. Его рука сдавила мое запястье, как в тисках, пригвоздив к месту.

Мне сразу понравилось это ощущение теплой, мощной, оберегающей ладони. У него были толстые пальцы, большие руки, ухоженные короткие ногти. На коже между указательным и большим пальцами — крошечная татуировка, что-то маленькое и остроконечное, напоминающее горную вершину. Какое-то время я просто таращилась на эту чернильную горку.

Он действовал быстро и решительно, остановив меня одним движением руки. Через мгновение такси промчалось дюймах в шести от моих ног. Лицо обдало ветерком. Саму машину я заметила, только когда она полетела дальше, и лишь тогда поняла, что чудом избежала смерти.

На монорельсе с визгом затормозил поезд.

Я опустила взгляд на его руку. Посмотрела на запястье, потом выше — на предплечье, на лицо. Его глаза округлились, брови беспокойно хмурились. *Он волновался за меня.*

Никто и никогда не волновался за меня.

На светофоре загорелся зеленый, но мы не тронулись с места. Просто стояли и молчали. Прохожие обходили нас. Прошла минута. Две. А он все не выпускал мое запястье. Его ладонь была теплой и липкой. На улице такая жара, что тяжело дышать — ни глотка свежего воздуха. Мои бедра взмокли от пота, джинсы и светло-голубая футболка прилипли к телу.

Наконец мы одновременно произнесли:

— Чуть не сбила.

И дружно рассмеялись, выдохнув с облегчением.

Я чувствовала, как сердце колотится в груди. И совсем не из-за машины.

Я угостила его чашкой кофе. Кажется очень банальным, да? Но больше ничего не пришло в голову.

— Давай я угощу тебя кофе, — предложила я. — Ты спас мне жизнь.

Взмахнула ресницами, положила руку ему на грудь и одарила улыбкой.

И только тогда заметила, что в другой руке он уже держит кофе — кажется, со льдом. Мы оба уставились на стаканчик и хихикнули. Он выбросил его в урну.

— Давай притворимся, что ты этого не видела. Я буду очень рад выпить кофе.

Его улыбка была совершенно искренней: я видела это по глазам.

Его звали Уилл. Он запнулся, когда произносил имя, и вышло «Уи-Уилл». Он нервничал, стеснялся в женском обществе — в *моем* обществе. Мне это понравилось.

Я накрыла его ладонь своей и сказала:

— Приятно познакомиться, Уи-Уилл.

Вскоре мы сидели рядышком за столиком в кафе, болтая и смеясь.

В ту ночь намечалась вечеринка — на крыше с потрясающим видом на город. Вечеринка по случаю помолвки друзей Сэйди — Джека и Эмили. Пригласили ее, а не меня. Кажется, Эмили меня не особо жаловала, но я все равно собиралась пойти — как Золушка, которая отправилась на королевский бал. Платье я позаимствовала из гардероба Сэйди. Оно сидело на мне

как влитое, хотя Сэйди — с ее широкими плечами и толстыми бедрами — крупнее меня. Ей это платье ни к чему. Можно сказать, я сделала ей одолжение. Да, у меня была дурная привычка хозяйничать в ее вещах. Как-то раз, занимаясь этим, я услышала скрежет поворачивающегося в замке ключа и пулей вылетела в гостиную всего за секунду до ее появления. Моя дорогая соседка стояла, подбоченившись, и вопросительно смотрела на меня.

— Выглядишь так, будто затеяла что-то нехорошее, — заметила она. Я промолчала. «Нехорошее» — мой конек. Это Сэйди предпочитала играть в пай-девочку.

Я не только позаимствовала у нее платье, но и купила босоножки с эффектом «металлик» на танкетке и с ремешками крест-накрест. По ее кредитке.

В тот же день я пригласила Уилла на вечеринку по случаю помолвки.

— Мы, конечно, практически незнакомы, но было бы глупо с моей стороны не спросить: пойдешь со мной?

— Почту за честь, — он подмигнул в ответ. Мы сидели совсем близко; его локоть касался моего.

Он точно придет.

Я продиктовала адрес и сказала, что буду ждать.

Мы расстались на том же месте, под монорельсом. Я смотрела вслед, пока он не исчез в толпе. И даже тогда продолжала смотреть.

Я с нетерпением ждала новой встречи.

Увы, у судьбы оказались другие планы: на вечеринку я так и не попала.

А вот приглашенная туда Сэйди — пришла. И резко выделялась на фоне остальных. Уилл подошел к ней, очаровался и забыл обо мне.

Я оказала Сэйди огромную услугу, позвав туда Уилла. Я всегда оказывала ей услуги.

Если б не я, они никогда не встретились бы. Сначала он принадлежал мне, а не ей.

Вот только Сэйди все время забывает об этом.

Сэйди

На нашей улочке нет ничего особенного, как и на любой другой здешней улице. Только горстка коттеджей да сельских домиков, разделенных несколькими деревьями.

На острове меньше тысячи жителей. Мы обосновались в самой населенной части, в пешей доступности от парома. С крутого уличного склона виден материк. Он кажется крошечным, но все равно радует глаз.

Пусть я больше не являюсь частью большого мира, но, по крайней мере, вижу его.

Медленно еду в гору. С хвойных деревьев уже опали иголки, а с берез — листья. Они рассыпались по земле и хрустят под шинами автомобиля. Вскоре их скроет снегом.

Соленый запах моря проникает в оконную щелку. В воздухе веет холодом: осень уходит, настает время зимы.

Сейчас уже больше шести вечера. Небо темное.

Через две двери от моего дома, у Бейнсов, бурлит жизнь. Рядом припаркованы три машины без опо-

знавательных знаков. Так и вижу, как криминалисты внутри собирают улики, снимают отпечатки пальцев и фотографируют место преступления.

Улица вдруг стала другой.

Вижу на нашей подъездной дорожке полицейскую машину. Паркуюсь рядом с «Фордом Краун Викториа», медленно вылезая. Беру вещи с заднего сиденья и направляюсь к входной двери, настороженно оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что я тут одна. Меня снедает сильнейшее чувство тревоги. Трудно не поддаваться воображению, которое уже нарисовало убийцу, прячущегося в кустах и наблюдающего за мной.

Но на улице тихо. Соседи спрятались по домам, ошибочно думая, что там безопаснее. Наверное, и Морган Бейнс так думала.

Вставляю ключ в замочную скважину. Когда я вхожу, Уилл вскакивает. Его мешковатые джинсы пузырятся на коленях, футболка частично выбилась из-за пояса. Длинные волосы растрепаны.

— Здесь полиция, — быстро произносит он. Впрочем, я и сама вижу: служитель закона сидит на краю дивана. — Расследуют убийство.

Уилл чуть ли не задыхается, произнося это слово. *Убийство.*

Его глаза покраснели: он явно плакал. Достает из кармана платок и вытирает глаза. Из нас двоих Уилл более чувствителен. Плачет при просмотре фильмов. Плачет при просмотре вечерних новостей.

Плакал и тогда, когда я узнала, что он спал с другой женщиной, хоть и безуспешно пытался отрицать

это. «Сэйди, у меня есть только ты», — убеждал Уилл много месяцев назад, падая на колени и клянясь, что невиновен.

В его защиту я должна сказать, что не видела ту женщину. Но признаки измены были повсюду.

Я винила в случившемся себя: следовало догадаться раньше. В конце концов, я ведь не первая, на ком он хотел жениться.

Мы стараемся не вспоминать о прошлом. «Отпусти и забудь», как говорится. Только легче сказать, чем сделать.

— К нам есть вопросы, — возвращает меня в настоящее Уилл.

— Вопросы? — Я смотрю на полицейского. Ему за пятьдесят, а то и за шестьдесят. Поредевшие волосы, рябая кожа. Над верхней губой полоска коричневато-седых, как и на голове, волосиков — типа как усы.

— Здравствуйте, доктор Фоуст. — Он смотрит мне в глаза, протягивает руку и представляется: — Берг.

— Здравствуйте, офицер Берг.

Он выглядит взволнованным, даже немного изумленным: обычно ему поступают жалобы на гадящих в соседских дворах собак, незапертые двери и неизменные звонки в службу спасения с вешанием трубки. Но не такое. Не убийства.

На острове всего несколько патрульных, и офицер Берг — один из них. Они часто встречаются паром у причала, чтобы убедиться, что все на борту и нет ни-

каких проблем — хотя проблем никогда и не бывает. Во всяком случае, в это время года. Мне говорили, что летом, когда приезжает порядочно туристов, все меняется. Но пока здесь тихо и спокойно. Единственные пассажиры парома — те, кто отправляется каждое утро через пролив в школу или на работу.

— Какие вопросы?

Отто ссутулится на стуле в углу, теребя бахромку диванной подушки. Вижу, как голубые нити распускаются в его руках. Взгляд усталый. Я беспокоюсь: наверняка он пережил стресс, услышав об убийстве соседки. Не испугался ли? Я-то точно испугалась... Сама мысль, что совсем рядом с нашим домом кого-то убили, просто невероятна. Стоит подумать, что произошло у Бейнсов прошлой ночью, как меня бьет дрожь.

Озираюсь в поисках Имоджен и Тейта. Уилл будто читает мои мысли:

— Имоджен еще не вернулась из школы.

— Вот как? — Офицер Берг, похоже, заинтересовался.

Уроки заканчиваются в два тридцать. Путь из школы долгий, но Отто все равно почти каждый день возвращается к трем тридцати или четырем. Часы на каминной полке показывают десять минут седьмого.

— Нет, но она скоро придет. С минуты на минуту, — отвечает муж и ссылается на занятия с репетитором, хотя мы оба знаем, что никаких репетиторов у Имоджен нет. Полицейский заявляет, что ему надо побеседовать и с ней тоже. Уилл кивает.

— Разумеется.

И добавляет, что если она припозднится, то он сам отвезет ее в Центр общественной безопасности. Там всегда дежурит пара полицейских, которые выполняют роль и медиков, и пожарных. Если б у нас что-то загорелось, офицер Берг мог бы примчаться в пожарной машине. Если б у меня или Уилла случился сердечный приступ, офицер Берг мог приехать в карете «Скорой помощи».

Допроса избежал только семилетний Тейт.

— Он во дворе, — успокаивает Уилл, заметив, что я ищу сына взглядом. — Играет с собаками.

Тут я слышу лай. И меряю Уилла взглядом, красноречиво дающим понять, что я думаю о гениальной идее оставить ребенка одного снаружи, когда только вчера на нашей улице произошло убийство. Бросаюсь к окну, выходящему на задний двор, и вижу сына в толстовке, джинсах и криво нахлобученной шерстяной шапке. Он играет с собаками в мяч: со смехом забрасывает его как можно дальше, а «девочки» бросаются за ним, соревнуясь, кто первым вложит его обратно в ладонь маленького хозяина.

Неподалеку виднеются следы костра. Пламя уже погасло, остались только дымящиеся угли. К счастью, он на безопасном расстоянии от Тейта и собак.

Офицер Берг замечает кострище и интересуется, есть ли у нас разрешение.

— Разрешение? На разведение костра? — переспрашивает Уилл. Когда полицейский кивает, муж пускается в объяснения: сын упросил приготовить

сморы¹ после возвращения из школы. Сегодня в классе читали книжку «С — это сморы», и Тейту очень хотелось их попробовать.

— Раньше в Чикаго мы готовили сморы только в тостере. Мы развели совсем небольшой костерок, он совсем не опасен.

Офицеру Бергу это неинтересно.

— Здесь можно разводить открытый огонь только с разрешения.

Муж извиняется, оправдываясь незнанием местных порядков. Полицейский пожимает плечами.

— В следующий раз не забывайте. — На этот раз он решает простить нас, у него есть проблемы поважнее.

— Можно я пойду? — спрашивает Отто, добавив, что ему нужно делать домашние задания. По глазам вижу: ему не по себе. Сегодняшнее происшествие — перебор для четырнадцатилетнего мальчика. Пусть он и намного старше Тейта, но все равно еще ребенок. Я похлопываю его по плечу, наклоняюсь ближе и шепчу:

— Помни: здесь ты в безопасности. Мы с папой защитим тебя.

Не хочу, чтобы он боялся и дальше.

Отто смотрит мне в глаза. Не знаю, поверил или нет — я и сама себе не слишком-то верю. Действительно ли мы в безопасности?

— Можешь идти, — разрешает полицейский.

¹ С м о р ы — традиционный американский десерт.

Сын уходит, а я присаживаюсь. Нас с офицером Бергом разделяет половина оранжевого вельветового дивана. Вся унаследованная нами мебель относится примерно к середине прошлого века. Не раритет, увы; просто старье.

— Вы знаете, почему я здесь?

Я отвечаю, что мы слышали вой сирены прошлой ночью. И что мы знаем об убийстве миссис Бейнс.

Спрашиваю, как именно ее убили. Служитель закона отвечает, что подробности пока что не разглашаются. Вначале уведомят родственников погибшей.

— А разве мистер Бейнс не знает, что случилось?

Все, что может сказать офицер Берг: мистер Бейнс уехал по делам. Мне сразу приходит мысль, что убийца в таких случаях — всегда муж. Где бы ни находился мистер Бейнс, он явно приложил к этому руку.

Берг добавляет, что труп миссис Бейнс нашла ее маленькая дочка. Она позвонила в службу спасения и сказала, что Морган никак не просыпается. Я с шумом втягиваю воздух. Бедная девочка. Какие жуткие вещи ей пришлось увидеть...

— А сколько ей лет?

— Шесть.

Зажимаю рукой рот.

— Ох, какой ужас...

Не могу и представить такое. Чтобы Тейт нашел меня или Уилла мертвыми...

— Они с Тейтом в одном классе, — Уилл переводит взгляд с офицера Берга на меня. — У детей общий учитель и одноклассники.

В островной школе учат с детского сада по пятый класс, а тем, кто постарше, приходится ездить на материк. В начальной школе около пятидесяти детей. В классе Тейта девятнадцать учеников, так как первоклашек объединили с дошколятами.

— И где теперь девочка? — спрашиваю я.

Полицейский отвечает, что у родственников. Сейчас они пытаются связаться с мистером Бейнсом, который улетел по делам в Токио. Отсутствие не делает его менее виновным в моих глазах. Джеффри Бейнс вполне мог нанять кого-нибудь.

— Бедняжка, — вздыхаю я. Девочке потребуются годы терапии. — Мы можем чем-нибудь помочь?

Офицер Берг говорит, что он уже побеседовал с нашими соседями и будет очень признателен, если мы ответим на кое-какие вопросы.

— Какие вопросы?

— Доктор Фоуст, вы можете сказать, где находились вчера вечером около одиннадцати?

Иными словами: «Есть ли у вас алиби?»

Прошлой ночью мы с Уиллом, уложив Тейта спать, смотрели телевизор. Мы лежали в разных концах комнаты — он, как всегда, растянулся на диване, а я свернулась калачиком на кушетке. Наши обычные места. Вскоре после того, как мы устроились и включили телевизор, Уилл принес мне бокал каберне, бутылку которого я раскупорила прошлым вечером.

Какое-то время я наблюдала за мужем со своего места, вспоминая, что еще недавно сама мысль лежать на разных диванах показалась бы мне абсурдной. Я с нежностью вспоминала те дни, когда он протягивал мне

бокал вина, сопровождая это долгим поцелуем в губы и поглаживая меня другой рукой. И я легко сдавалась настойчивости его поцелуев, рук и взгляда. Ах, этот страстный взгляд!..

А потом, постепенно, все заканчивалось тем, что мы, хихикая, как подростки, торопливо и бесшумно занимались любовью на диване, одновременно прислушиваясь: не скрипят ли наверху половицы или пружины, не раздаются ли шаги на лестнице. Чтобы убедиться, что мальчики спят.

В прикосновениях Уилла было нечто особенное. Нечто, когда-то кружившее мне голову. Заставляющее пьянеть без капли алкоголя. Я не могла насытиться им. Он действовал на меня опьяняюще.

Но потом я нашла сигарету «Мальборо silver» со следами помады земляничного цвета. А после этого обнаружила оплату гостиничных номеров с нашей кредитки и трусики в спальне — не мои. Тут я поняла, что Уилл ходит на сторону и успешно опьяняет другую женщину.

Я не курила. Не пользовалась помадой. И была слишком благоразумна, чтобы разбрасывать свое нижнее белье.

Когда я сунула ему под нос выписку с кредитки и спросила, платил ли он за гостиницу, Уилл лишь вытаращился на меня. Похоже, он был настолько ошеломлен тем, что его застукали, что даже не успел придумать убедительную ложь.

Прошлой ночью, после того как я выпила первый бокал, Уилл предложил мне еще, и я сказала «да»: мне нравилось ощущение невесомости и спокойствия от

вина. Потом я ничего не помнила, пока не проснулась от воя сирены. Видимо, я заснула на кушетке, а Уилл перенес меня в кровать.

— Доктор Фоуст? — переспрашивает полицейский.

— Мы с Уиллом были дома. Смотрели телевизор. Вечерние новости, а потом — «Позднее шоу». Которое со Стивеном Колбертом.

Офицер Берг заносит мои показания стилусом в планшет.

— Да, Уилл? — Тот кивает, подтверждая мои слова. — Смотрели «Позднее шоу» со Стивеном Колбертом.

— А потом?

Я отвечаю, что потом мы легли спать

— Это так? — уточняет у моего мужа офицер Берг.

— Да, — Уилл кивает. — Было уже поздно. После «Позднего шоу» мы с Сэйдди легли спать. Ей утром вставать на работу, ну а я... я просто устал. Было поздно. — Если полицейский и заметил повтор, то не подал виду.

— Во сколько вы легли?

— Кажется, в полпервого. — Хоть я и не уверена на сто процентов, но примерно рассчитать могу.

Офицер Берг записывает и это тоже, а потом меняет тему:

— Вы не замечали что-нибудь необычное в последние несколько дней?

— Необычное? Например?

Полицейский пожимает плечами.

— Ну, все, что выходит за привычные рамки. Что угодно. К примеру, подозрительных незнакомцев поблизости... Медленно проезжающие по улице незнакомые автомобили...

Я в ответ качаю головой.

— Офицер, мы здесь совсем недавно и мало с кем знакомы.

Но тут вспоминаю, что Уилл-то как раз знаком со многими. Пока я целыми днями работала, он заводил друзей.

— Кое-что необычное было, — вдруг заявляет муж. Мы одновременно поворачиваемся к нему.

— И что именно? — уточняет Берг.

Но Уилл тут же идет на попятный и мотает головой.

— Хотя неважно... Полная ерунда. Скорее всего, просто моя оплошность.

— Позвольте мне самому сделать выводы, — замечает Берг.

Муж объясняет:

— Это случилось недавно, где-то пару недель назад. Я отвез Тейта в школу и отправился по делам. Отсутствовал недолго, примерно пару часов. Но когда вернулся домой, что-то было не так.

— Как вы это определили?

— Например, дверь гаража была поднята, хотя я готов поклясться, что закрывал ее. А когда я вошел в дом, то чуть не задохнулся от сильного запаха газа. Слава богу, собаки не пострадали, хотя неизвестно, как долго они дышали этой дрянью. Вскоре я нашел источник: кухонную плиту.

Другая миссис

— Плиту? Ты ничего мне не сказал... — С виду я спокойна, но внутри закипает злость.

— Просто не хотелось, чтобы ты волновалась из-за ерунды. Я открыл настежь двери и окна и проветрил дом. — Уилл примиряюще пожимает плечами. — Сэйди, это такая мелочь... Вообще не стоило об этом вспоминать. Утро выдалось напряженным: я готовил французские тосты, мы с Тейтом торопились. Видимо, в спешке оставил конфорку включенной и не перекрыл газ.

Офицер Берг отмахивается — мол, обычный инцидент — и поворачивается ко мне.

— А вы что скажете, доктор? Не замечали что-нибудь необычное в последние дни?

Я отвечаю «нет».

— Как выглядела миссис Бейнс, когда вы разговаривали с ней в последний раз? Она...

Я обрываю его на полуслове и говорю, что не знакома с Морган Бейнс. Что мы вообще не встречались.

— После переезда на меня навалилась куча дел, — поясняю я извиняющимся тоном, хоть мне и не за что извиняться. — Так и не нашла минутки, чтобы зайти к ним познакомиться.

Мысленно (вслух не решаюсь) добавляю, что это было бы бестактностью: Морган Бейнс тоже не удосужилась зайти и познакомиться со мной.

— У Сэйди очень плотный график, — вмешивается Уилл, не желая, чтобы полицейский начал укорять меня за незнание собственных соседей. Я признательна ему за поддержку. — Длинные смены почти

каждый день. У меня все по-другому. Я преподаю только три курса, причем расписание специально составлено так, что я успеваю вернуться домой к возвращению Тейта. В нашей семье кормилец — Сэйди, а я — домохозяин. Мы не хотим, чтобы наших детей воспитывала нянька.

Такое решение мы приняли давным-давно, еще до рождения Отто. На то были свои причины. С финансовой точки зрения вполне логично, что Уилл сидит дома: я зарабатываю больше. Впрочем, мы никогда не обсуждали эту тему. Уилл выполняет свои обязанности, я — свои.

— Всего пару дней назад я разговаривал с Морган, — отвечает муж на вопрос полицейского вместо меня. — Она выглядела как обычно. У них барахлил водонагреватель, и она ждала мастера: хотела выяснить, можно ли починить. Я и сам пытался починить его. Я неплохо справляюсь с домашней работой, но водонагреватель оказался за пределами моих возможностей. У вас есть какие-нибудь зацепки? — Уилл меняет тему. — Следы взлома? Подозреваемые?

Офицер Берг отвечает, что пока не может раскрыть подробности.

— Впрочем, могу сказать, что миссис Бейнс убили между десятью вечера и двумя часами ночи.

По-прежнему опираясь на подлокотник дивана, я выпрямляюсь и смотрю в окно. Хотя отсюда не виден дом Бейнсов, меня не покидают мысли о том, что прошлой ночью, пока мы здесь пили вино и смотрели телевизор, совсем рядом убили женщину.

Но это еще не всё.

Последний паром на материк отходит в восемь тридцать вечера. Значит, убийца заночевал на острове, среди нас.

Офицер Берг резко встает, отчего я пугаюсь, ахаю и хватаюсь за сердце.

— Доктор, всё в порядке?

Он заметил, как я дрожу.

— В порядке. В полном порядке.

Полицейский разглаживает ладонью брюки.

— Что ж, сегодня мы все на нервах, — замечает он. Я согласно киваю.

— Мы с Сэйди можем чем-нибудь помочь? — спрашивает муж, провожая служителя порядка к двери. Я встаю и слеую за ними. — Если да, только скажите. Мы с радостью.

Берг приподнимает шляпу.

— Спасибо. Я ценю вашу поддержку. Как вы наверняка догадались, сейчас весь остров взбудоражен. Все опасаются за свои жизни. Это плохо скажется на туризме. Никто не хочет ехать туда, где на свободе бродит убийца. Мы хотим раскрыть дело как можно скорее. Если вы что-нибудь услышите или увидите... — Он умолкает.

— Понимаю.

Убийство Морган Бейнс плохо скажется на бизнесе.

Полицейский прощается и вручает Уиллу визитку. Перед самым уходом он задает еще один — не имеющий отношения к расследованию — вопрос:

— Как обживаетесь?

Муж отвечает, что в целом все нормально.

— Дом старый, поэтому неудивительно, что возникли кое-какие проблемы. Через щели в окнах дуют сквозняки, неисправный котел придется менять...

Берг морщится:

— Замена котла обойдется недешево. Скорее всего, в несколько тысяч.

Уилл говорит, что он в курсе.

— Элис жалко, — полицейский смотрит ему в глаза.

— Да, жалко.

Мы нечасто заговариваем об Элис, хотя кое-что мне хотелось бы узнать. Каким она была человеком? Поладили бы мы, доведись нам встретиться? Мне лично кажется, что Элис была необщительным интровертом, хотя Уиллу, конечно, я этого никогда не скажу. Скорее всего, боль от фибромиалгии побуждала ее сидеть дома, сторонясь любых проявлений общественной жизни.

— Никогда не думал, что она может пойти на самоубийство, — продолжает Берг. Тут я понимаю, что мои гипотезы были ошибочны.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Уилл таким тоном, словно готов оправдываться.

— Не знаю, как объяснить...

Тем не менее полицейский явно знает, потому что начинает рассказывать: когда он встретил Элис, она была приветливой и веселой женщиной, завсегдаем игры в бинго по пятницам. И улыбалась так ярко, что могла бы осветить комнату.

— Наверное, я никогда не пойму, как такой человек мог наложить на себя руки.

Между нами повисает напряженное молчание. Уверена, Берг вовсе не собирался никого упрекать. Он просто не слишком тактичен. И все же Уилл выглядит обиженным. Он продолжает молчать, так что нарушить тишину приходится мне.

— Она страдала фибромиалгией, — поясняя я, догадавшись, что, скорее всего, полицейский или не знает, что это такое, или считает данную болезнь психическим заболеванием. Многие не понимают, что такое фибромиалгия, и полагают ее ненастоящей, придуманной болезнью. Лекарства от нее нет, больной с виду выглядит нормально. Тесты ничего не выявляют. В результате диагноз ставят чисто по симптомам — по боли, которую нельзя объяснить другими причинами. Поэтому многие врачи сомневаются в научности данного диагноза и предлагают пациентам обратиться к психиатру. Грустно думать, что Элис страдала от мучительной боли и никто ей не верил.

— Да, конечно, — офицер Берг кивает. — Ужасная болезнь. Должно быть, совсем ее доконала, если она решилась на такое.

Я снова бросаю взгляд на мужа. Конечно, служитель порядка не пытается никого задеть — просто так неуклюже выражает соболезнование.

— Мне нравилась Элис, — добавляет он. — Чудесная женщина.

— Да, чудесная, — Уилл кивает в ответ.

Офицер снова бормочет «как жаль», снова прощается и уходит. Уилл молча идет на кухню готовить ужин. Я наблюдаю через узкое окно у входной двери, как Берг отъезжает от дома на своей «Краун Викто-

рии». Он едет в гору — скорее всего, в дом Бейнсов к своему коллеге. Но останавливается не у их дома, а в конце подъездной дорожки на противоположной стороне улицы, рядом с Нильссонами. Выходит, не вытащив ключ зажигания: красные задние фары ярко светятся в ночной темноте. Я наблюдаю, как он опускает что-то в почтовый ящик, закрывает калитку, возвращается в машину и скрывается за гребнем холма.

Камилла

После ночи, когда Уилл и Сэйди встретились, я пропала с их горизонта. Меня переполняли злость и ненависть к себе самой.

Но я не могла вечно держаться подальше от Уилла. Все мои мысли были о нем. Я не переставала думать о нем и, в конце концов, разыскала его. После недолгих поисков в интернете я нашла его адрес и место работы, а затем и его самого. Правда, к тому времени он постарел, поседел и обзавелся детьми. А вот я не сильно изменилась за эти годы. Видимо, хорошая наследственность: время обходило меня стороной. Мои волосы по-прежнему были рыжеватыми, глаза — ярко-голубыми, а кожа оставалась гладкой и мягкой.

Я надела черное платье с открытыми плечами, нарядилась, надушилась, нацепила украшения и уложила волосы.

Несколько дней я следила за ним и, наконец, показала в самый неожиданный момент.

— Помнишь меня? — спросила я, загнав его в угол в закуской. Мы стояли близко друг к другу.

Слишком близко. Я схватила его за локоть и назвала по имени. Ведь людей больше всего будоражит звучание собственного имени.

— Помнишь угол Мэдисон и Уобаш? Пятнадцать лет назад. Уилл, ты тогда спас мне жизнь.

Он почти мгновенно вспомнил, и его лицо просветлело.

Время наложило на него отпечаток. Напряжение от семейной жизни, воспитания детей, работы, ипотеки... Этот Уилл выглядел перегоревшим по сравнению с тем Уиллом, которого я когда-то встретила.

Тут уж ничем не можешь.

Ему надо просто забыть на время, что у него жена и дети.

И я смогу в этом помочь.

Я одарила его широкой улыбкой и взяла за руку.

— Если б не ты, я была бы мертва, — наклонившись, прошептала я ему прямо в ухо.

Его глаза загорелись, щеки разругались. Взгляд скользнул по мне, остановившись на моих губах.

Он улыбнулся.

— Разве я мог забыть такое... Что ты здесь делаешь?

Я откинула волосы за плечи.

— Просто шла мимо по улице и увидела тебя в окне.

Он дотронулся до кончиков моих волос и сделал комплимент прическе.

— И платье великолепное.

Теперь взгляд Уилла прикипел к моим бедрам, а не к губам.

Я знала, чем должен закончиться наш разговор. И как обычно, добила желаемого. Все произошло не мгновенно, нет: его пришлось какое-то время уговаривать, но я прекрасно умею убеждать людей. Правило номер один: взаимность. Я делаю что-то для тебя, ты в ответ делаешь что-то для меня.

Я вытерла горчицу с его губы, заметила, что стаканчик в его руке пуст, взяла и снова наполнила из автомата с напитками.

— Это совсем необязательно, — сказал он, когда я села рядом за столик и пододвинула ему бутылку «Пепси», причем так, чтобы наши руки соприкоснулись. — Я и сам мог бы налить...

Я улыбнулась:

— Знаю, что необязательно. Просто мне так захотелось.

Вот так у него появился маленький должок.

Не стоит забывать и про обаяние. Я, если захочу, умею быть чертовски обаятельной. Знаю, что говорить, что делать, как очаровывать. Фишка в том, чтобы задавать вопросы, в ответ на которые собеседники начинают рассказывать о себе как можно больше. При этом они чувствуют себя самыми интересными людьми на свете.

Также важно не забывать про прикосновения. Одним прикосновением к руке, плечу или бедру можно легко сделать собеседника стговорчивым.

Кроме того, его брак с Сэйти, судя по тому, что я узнала, был образцовым примером воздержания. Только я могла дать Уиллу то, в чем он нуждался.

Он согласился не сразу. Поначалу просто застенчиво улыбался и краснел. Сказал, что у него встреча. Что ему надо идти.

— Я не могу остаться, — говорил он. Но я убедила его, что это не так. Не прошло и пятнадцати минут, как мы свернули в ближайший переулок, где он прижал меня к стене, сунул руку под подол платья и прижался своими губами к моим.

— Не здесь, — возразила я. Только ради него. Сама-то я была не против заняться сексом прямо тут, но он — женатый мужчина, вынужденный поддерживать определенную репутацию. У меня же ни мужа, ни репутации. — Пойдем в какое-нибудь другое место.

Уилл вспомнил, что через полквартиры есть отель. Не «Ритц», но сойдет. Мы помчались вверх по лестнице и забежали в номер. Там он повалил меня на кровать, и я отдалась ему.

После секса мы лежали в постели, хватая ртом воздух и пытаясь отдышаться. Уилл заговорил первым:

— Это было просто...

У него не нашлось слов. Но он сиял.

Я подмигнула.

— Ты тоже неплох.

Уилл уставился на меня. Мужчины никогда не смотрели на меня так: словно он не мог от меня оторваться. Он сказал, что очень нуждался в этом, и что я даже не представляю насколько. Нуждался в побеге от реальности. По его словам, я появилась как нельзя вовремя. У него выдался прескверный день и прескверная неделя.

Сейчас же все было идеально.

— Ты идеальна, — сказал Уилл, жадно выпивая меня взглядом.

И перечислил почему. Мои волосы, моя улыбка, мои глаза. И хотя все это относилось только к внешности, мое сердце забилося чаще.

Я снова поцеловала его.

После секса он встал с постели. Я же осталась лежать, глядя, как он натягивает рубашку и джинсы.

— Уже уходишь?

Уилл посмотрел на меня, остановившись у кровати.

— У меня встреча, — объяснил он извиняющимся тоном. — Я и так уже опаздываю. Оставайся здесь, сколько хочешь. Перекуси, отдохни.

Как будто спать в одиночестве в дешевом отеле — это какой-то утешительный приз...

Перед уходом Уилл наклонился, чмокнул меня в лоб, взъерошил волосы и посмотрел в глаза.

— Скоро увидимся.

Это был не вопрос, а твердое обещание.

Я улыбнулась.

— Конечно, увидимся. Никуда ты от меня не денешься, Уилл. Я не отпущу тебя. Никогда.

Он тоже улыбнулся и ответил, что именно это и хотел услышать.

После его ухода я постаралась заглушить в себе ревность. Я не имела привычки ревновать, пока не встретила Уилла. Тем не менее я ни разу не испытала угрызений совести из-за произошедшего между нами. Уилл принадлежал мне, пока Сэйди не отобрала его. Я ничем ей не обязана.

Это *она* обязана мне.

Сэйди

Я дважды обхожу дом и убеждаюсь, что все двери и окна заперты: вначале делаю один круг, а потом (поскольку не уверена, не упустила ли что-то из виду) второй. Опускаю жалюзи, задергиваю шторы и размышляю, разумно ли будет установить в доме сигнализацию.

Вечером Уилл, как и обещал, отвозит Имоджен в центр общественной безопасности. Я надеялась, что он принесет новости насчет убийства — что-нибудь успокаивающее, — но новостей нет. Полиция ни на шаг не продвинулась в расследовании. Я знаю статистику преступлений: около трети убийств или даже больше ложатся в долгий ящик, а полицейские департаменты завалены нераскрытыми делами. Это своего рода эпидемия.

Пугает, как много убийц расхаживает среди нас.

Вы можете встретить убийцу где угодно и ничего не заподозрите.

По словам Уилла, Имоджен нечего было рассказать полицейскому. Я и так знала, что в это время девушка спала. После вопроса, не замечала ли она чего-нибудь необычного за последние недели, у нее окаменело лицо:

— Мать, висящую в гребаной петле.

Офицер Берг больше не задавал ей вопросов.

Пока я обдумываю, не проверить ли двери и окна по третьему разу, муж окликает меня и спрашивает, скоро ли я лягу спать. Отвечаю, что скоро, подхожу к входной двери и дергаю в последний раз. И остав-

ляю включенной лампы в гостиной, чтобы казалось, что мы не спим.

Поднимаюсь по лестнице и устраиваюсь в постели рядом с Уиллом. Но уснуть не могу. Всю ночь лежу и думаю о словах полицейского: о том, что малышка Бейнс нашла Морган мертвой. Интересно, насколько хорошо Тейт ее знает? Они в одном классе, но это еще не делает их друзьями.

Не могу выбросить из головы образ шестилетней девочки, стоящей над безжизненным телом матери. Испугалась ли она? Кричала ли? Прятался ли убийца поблизости, радуясь ее крикам? Как долго она ждала приезда «Скорой» и не боялась ли все это время за собственную жизнь? Я думаю, что эта одинокая крошка нашла свою мать мертвой точно так же, как Имоджен. Хотя нет, не так же. Самоубийство и убийство — очень разные вещи. И все же уму непостижимо, сколько ужаса довелось повидать этим девочкам за свои коротенькие жизни...

Уилл спит рядом как убитый. Я же гадаю: по-прежнему ли убийца находится на острове или уже уплыл.

Осторожно выскальзываю из постели. Сердце бьется как сумасшедшее. Надо убедиться, что с детьми всё в порядке. Лежащие на своих местах в углу комнаты собаки встают и следуют за мной. Я велю им вести себя тихо. Уилл переворачивается в постели, натягивая на себя простыню.

Идти босиком по деревянному полу холодно, но сейчас слишком темно, чтобы искать тапочки, и я просто выхожу из спальни и шагаю по узкому коридору.

Сначала направляюсь в комнату Тейта. Он спит с открытой дверью, включив ночник, чтобы не смели приближаться всякие ночные чудища. Маленькая фигурка лежит на кровати. Руки крепко сжимают плюшевого чихуа-хуа. Мальчик спит спокойным сном. Ему, в отличие от меня, не мешают мысли об убийстве и смерти. Интересно, что ему снится? Возможно, щенки и мороженое.

Я задумываюсь о том, что известно Тейту о понятии «смерть». Сама-то я хорошо помню, *что* знала в этом возрасте. Потом иду к Отто. Прямо под окном его комнаты — шиферный навес над крыльцом на столбиках. При желании несложно вскарабкаться по нему посреди ночи.

Инстинктивно ускоряю шаги, убеждая себя, что сын в безопасности и что злоумышленник, конечно, не полезет на второй этаж, чтобы проникнуть в дом. И все же я ни в чем не уверена. Поворачиваю ручку и бесшумно открываю дверь, заранее страшась, что увижу распахнутое окно и пустую кровать. Но нет: Отто здесь. С ним все в порядке.

Стою в дверях и какое-то время просто смотрю на сына. Делаю шаг к нему, чтобы лучше рассмотреть, и задерживаю дыхание, боясь разбудить. На его лице умиротворенное выражение, хотя одеяло отброшено на край кровати, а подушка — на пол. Он лежит головой на матрасе. Тянусь за одеялом и накрываю своего мальчика, вспоминая, как в детстве он просил меня не уходить, обнимал меня ручонкой за шею и так держал, не отпуская всю ночь. Он вырос слишком быстро. Как хочется, чтобы тот, прежний Отто вернулся...

Затем направляюсь к Имоджен. Кладу ладонь на дверную ручку и медленно поворачиваю, стараясь не шуметь. Но ручка не поворачивается: заперто изнутри. Я не могу проверить, как она там.

Разворачиваюсь и медленно спускаюсь по лестнице. Собаки следуют за мной по пятам, однако, с их точки зрения, я двигаюсь слишком медленно, так что в какой-то момент они обгоняют меня и сбегают вниз по ступенькам, срезая путь к задней двери через прихожую. Когти стучат по деревянным половицам, словно клавиши пишущей машинки.

Останавливаюсь перед входной дверью и гляжу в боковое окно. Отсюда немного виден дом Бейнсов. Даже в такой поздний час в нем кипит жизнь. Дом освещен изнутри, толпятся люди. Полицейские продолжают расследование. Интересно, что они найдут...

Мое внимание привлекает скулеж из кухни — собаки хотят на улицу. Открываю раздвижную стеклянную дверь; они выбегают наружу и направляются напрямик в тот угол двора, где недавно начали рыть ямки. Это постоянное рытье вошло у них в привычку и сильно раздражает меня. Хлопаю в ладоши, чтобы прекратили.

Завариваю чай, сажусь за кухонный стол и думаю, чем бы заняться. Идти обратно в кровать нет смысла: все равно не засну. Нет ничего хуже, чем ворочаться в постели и беспокоиться из-за вещей, с которыми ничего не поделать.

На краешке стола лежит книга, которую читал Уилл: криминальный роман с закладкой посередине.